

ПИСЬМО «РУССКИХ ЛЮДЕЙ» КЛЕЙНМИХЕЛЮ

Публикация С. С. Дмитриева

Среди документов «пражской коллекции» находится рукопись письма от «русских людей в Париже» к Клейнмихелю. На письме дата: «<18>57. Августа 6. Париж». Судя по содержанию письма, при нем послан был Клейнмихелю и «Колокол». Первый лист «Колокола» датирован 1 июля, второй — 1 августа, третий — 1 сентября 1857 г. Значит, при письме мог быть послан только первый или второй лист герценовского издания или же оба эти листа. В первом листе «Колокола» Клейнмихель не упоминался. Во втором листе упоминался «прогнанный и ненавидимый всем Клейнмихель» — в статье, озаглавленной «Из Петербурга (Письмо к издателю)». Автор статьи сетовал, между прочим, на то, что «Клейнмихелю не запрещен въезд в Петербург и Москву даже по его железной дороге».

Несколько ранее, в апреле 1857 г., в третьей книжке «Полярной звезды на 1857 год» была помещена статья Огарева «Газбор манифеста 26 августа 1856 года». В статье были такие строки: «Гсволят, что Александр II человек благонамеренный и добрый. И я охотно верю этому: стоит только вспомнить удаление Клейнмихеля и Дуббельта...». К имени Клейнмихеля сделано примечание: «А зачем этот человек, ненавидимый всюю Россией, имел место в церемониях коронаций?». В той же книжке «Полярной звезды» в обращении от издателя Гершен иронически выражал надежду никогда не дойти до издания в Лондоне журнала под заглавием «Андреевская звезда» с портретами Клейнмихеля, Бенкендорфа, Чернышева и даже Политковского» (VIII, 427).

Граф Петр Андреевич Клейнмихель (1793—1869) начал свою карьеру еще во времена Александра I как ближайший помощник Аракчеева по управлению военными поселениями. В царствование Николая I он занимал пост главноначальствующего путями сообщений и публичными зданиями. В качестве главы инженерного ведомства и лица, пользовавшегося особой доверенностью у царя, он руководил строительством железной дороги Петербург — Москва. Бесстыдное воровство, гомерические взятки, жестокость в отношении к строителям создали Клейнмихелю достойную репутацию. Его гнусные «подвиги» заклеил Некрасов в стихотворении «Железная дорога». В год смерти Николая I, вскоре после оставления русскими войсками Севастополя, Клейнмихель был отрешен от должности. Одновременно с Клейнмихелем отставку получил и министр внутренних дел Д. Г. Бибиков.

Отставку Бибикова и Клейнмихеля праздновали прежде всего либералы, приписывая себе честь этой победы. А. В. Никитенко записал в дневнике 9 октября 1855 г.: «Еще одна смерть, только политическая и притом возбуждающая общую радость, а не печаль. Клейнмихель, наконец, подобно Бибикову, пал и уничтожился. Вчера, говорят, он получил из Николаева от государя записку, в которой ему предлагают подать в отставку» (А. В. Никитенко. Дневник, т. I. М., 1955, стр. 422). 12 октября 1855 г. Никитенко отметил: «Продолжение всеобщей радости по случаю падения Клейнмихеля. Все поздравляют друг друга с победою, которая, за недостатком настоящих побед, составляет истинное общественное торжество» (там же; см. также стр. 423).

Восторги и ликование по поводу отставки Бибикова и Клейнмихеля довольно скоро, однако, потускнели. Новый царь уволил явного казнокрада Клейнмихеля «по прошению». Увольняемый получил весьма милостивый рескрипт, оканчивавшийся словами: «Пребываю к вам навсегда благосклонный. Александр». Клейнмихеля не только не отдали под суд, но оставили в высоком звании члена Государственного совета, в должности генерал-адъютанта царя.

Клейнмихель продолжал оставаться силой — реакционной, грубой, прямолинейной, живым остатком традиций аракчеевщины. В Государственном совете он отстаивал неприкосновенность крепостнических порядков. В день внесения проекта положений крестьянской реформы 1861 г. на обсуждение Государственного совета Клейнмихель в своем выступлении напоминал царю: «Ваше величество изволили

обещать предоставить помещикам полицейскую вотчинную власть над крестьянами» (А. В. Н и к и т е н к о. Цит. соч., т. II. 1955, стр. 174).

Даже либералы, в большинстве своем, понимали, что Клейнмихель лишь убрал с авансены, но не лишен власти. Это вызывало у них тревогу.

Понимание опасности, которую представлял Клейнмихель и в отставке, продиктовало «русским людям в Париже» их письмо-прокламацию. Вряд ли удастся когда-нибудь выяснить, кто были авторы этого анонимного письма. Русских в Западной Европе в 1857 г. было очень много. Много их было, в частности, в Париже. Появление первых листов «Колокола» с новой силой привлекло общественное внимание к Герцену и свободной русской печати. В письме к М. К. Рейхель из Лондона от 29 июня 1857 г. Герцен писал: «Получаю бездну писем с симпатиями и Höflichkeiten* от русских из Парижа и из Германии» (VIII, 547). Из слов письма, обращенных к Клейнмихелю: «Вам первому подарок наш, вам — главе, вам — атаману этой шайки разбойников без отваги, лакеев-грабителей своей страны» — можно предполагать о намерении составителей письма разослать свои «подарки», т. е. экземпляры «Колокола», и другим высокопоставленным лицам.

Публикуемое письмо является любопытным памятником той обличительной литературы, которая быстро развивалась во время подъема и обострения общественно-политической борьбы, наступивших в конце пятидесятых годов. Составители письма, так энергично обличавшие Клейнмихеля, ни словом не упомянули, однако, о царе, который являлся главным оплотом «клеинмихелей». Это обстоятельство заставляет вспомнить слова «Русского человека» в знаменитом «Письме из провинции», напечатанном в «Колоколе» спустя два с половиной года после письма «русских людей в Париже»: «...Клейнмихеля нужно было ему <царю> прогнать по известному правилу Макиавелли — в новое царствование жертвовать народной ненависти любимым мипистром прежнего царствования, и вот Клейнмихель очутился козлом отпущения за царствование Николая. Согласитесь, ведь жертва ничтожна? Но как бы то ни было, либералы восторгались и этим фактом, забыв, что Николай так же прогнал Аракчеева; что же из этого? Неужели на эту удочку всегда будут поддаваться?» (X, 227).

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 54).

(Париж. 6 августа 1857 г.)

Русские люди в Париже посылают вам журнал «Колокол» как семя кары, наступающей для вас — извергов, обкрадывающих отечество, для вас, гнетущих тот народ, который от детской чистоты своей долго не мог понять предательства, отплачивая за него своим мучителям истинной любовью, истинным самоотвержением. Вам первому подарок наш, вам — главе, вам — атаману этой шайки разбойников без отваги, лакеев-грабителей своей страны. Знайте, Клейнмихель, что скоро пробьет тот час, когда имя ваше станет во всех концах России именем нравственно проклятого. Знайте, что с той же самой минуты собственные ваши дети проклянут вас за передачу им наследия-срама, наследия-позора и даже, может быть, для очистки себя перед лицом народа, подымут на вас — отца — вместе с нами свои руки, как на зло отечества, как на ядовитую, живущую еще рану его.

Кайтесь! Сорвите нарост коры с вашего сердца, откройте совесть и молитесь ей изгнать вас быстрее, раньше встречи с теми ужасами, которые растут и мукают на конце вашей бесчестной, гнусной дороги.

Не примите строки наши за строки личности: мы вас не знаем, мы вас не видели, и наши мнения в письме есть мнения наших братьев, нашей бедной, всеми проданной, разграбленной России.

57. Августа 6. Париж.

* любезностями (нем.).